

Рецензии

Г.В. Мосалева

**«СВЕТЛАЯ ПРОЗА С МЯГКИМ ЮМОРОМ»
(О ЛАУРЕАТЕ ПАТРИАРШЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
ИМЕНИ СВЯТЫХ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ 2017 ГОДА –
ПРОТОИРЕЕ ЯРОСЛАВЕ ШИПОВЕ)**

Патриаршая литературная премия вручается за вклад в развитие русской литературы. У ее номинантов оценивается не какое-то конкретное произведение, а творчество в целом. В этом году лауреатом премии, наряду с В.И. Лихоносовым и Б.Ф. Споровым, стал Ярослав Шипов.

Впервые я узнала об этом писателе в 2006 г., когда в моих руках оказалась его книга «Долгота дней» (Издание второе, дополненное): М.: Лодья, 2005. 303 с.

«Прочитай, утешительная книга, прямо-таки лекарство от уныния» – именно с такой характеристикой я получила книгу в подарок. С тех пор не раз ее перечитывала, и всегда открывала что-то новое, убеждаясь в верности ее оценки. Книга, действительно, оказалась утешительная, написанная с потрясающим чувством юмора, которое можно встретить разве что у классиков. В это издание вошло еще одно произведение Я. Шипова – «Отказываться не вправе». Оба они свидетельствуют о том, что на литературном небосклоне вошло новое имя писателя-священника Ярослава Шипова. Сегодня это один из самых ярких и незаурядных представителей русской литературы, составивших в ней целое направление – «священнической прозы» и определивший ее стиль и метод. То, что «священническая проза» является частью общего литературного процесса, – важное свидетельство мировоззренческих перемен в России. «Священническая проза» не вписывается в канон постмодернизма, как, к примеру, не вписывался в модернистский канон И.А.Бунин, но она чувствует себя у себя дома, органично входя в единую жанровую систему, выстраиваемую со времени Крещения Руси древнерусскими книжниками. «Священническая проза» нацелена на развитие традиций русского реализма, она имеет профессиональную окраску: ее мировоззренческой основой является Православие. В этом смысле фактом своего существования она способствует восстановлению единства жанров светской и церковной словесности. «Священническую прозу» порой называют то иерейской, то православной, то духовной, но каждое из этих наименований не является исчерпывающе определяющим.

До своего рукоположения Ярослав Шипов был вполне себе состоявшимся столичным светским писателем и литературным чиновником, заведовал сектором «Проза» в журнале «Современник», увлекался охотой, купил себе дом в Вологодской области, стал помогать жителям села Верхний Спас в восстановлении храма... А когда храм был восстановили, «община и архиерей уговорили его стать священником».

1990 гг. можно «изучать» и по книгам Я. Шипова: оно и вернее будет. Чтобы представить себе дух тех лет, нужно непременно прочитать именно эти его первые книги, главным сюжетом которых является восстановление разрушенных храмов и человеческих душ. В них, как правило, повествование ведется от лица героя-рассказчика, священника, постоянно крестящего и отпевающего – таковы приметы эпохи («Новая Москва», «Крестины», «Поминки», «Долг», «Лютый»). Лейтмотив многих рассказов в этих книгах – сиротство новоприходящих в Церковь людей.

Я. Шипов – один из тех, кто первыми следовали зову сердца и отдали Церкви свой дар, свою любовь-верность, свое здоровье. В книгу «Весенний сон» (2016), помимо рассказов Я. Шипова, включены и его интервью, проясняющие отношение писателя-священника к служению, к жизни, к людям, к литературе. Слово, как определяет его Шипов, это категория нравственная: «Обедняя слово, обедняем нравственность, корежа слово, кореем нравственность». Из интервью с Я. Шиповым становится понятно, что священство он ставит выше писательства, и эта верность своему призванию важна для читателя, ищущего в «священнической прозе» то, что ему не сможет дать литература постмодерна: точный духовный диагноз эпохи и восприятие человека как образа Божия. Об этом речь идет во всех книгах священника Ярослава Шипова: «Лесная пустынь», «Первая молитва», «Райские хутора и другие рассказы», «Тоскующие по небесам», «Весенний сон».

Своими любимыми писателями Я. Шипов называет А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Н.С. Лескова, А.П. Чехова. Ощутимо ли их влияние в прозе Я. Шипова? В какой-то степени да. Возможно, от Пуш-

кина у Шипова трезвое восприятие истории, поэзия «действительности». Гоголя не случайно называют родоначальником духовной прозы в художественной литературе. Нельзя сказать, что Шипов вышел из гоголевской «Шинели», но то, что в его рассказах проявляется свойственный Гоголю очищающий мистический «смех сквозь невидимые миру слезы», определено. Кстати, у Я. Шипова есть рассказ «Новый ревизор», уже в названии содержащий аллюзию на знаменитый гоголевский образ. Структура гоголевского сюжета наполняется у Я Шипова новыми смыслами и образами. Замечательно само начало рассказа, представляющее собой лирическое высказывание о Гоголе, подступ к теме: «Николай Васильевич Гоголь – прозаик, которого уже никто и никогда не сможет превзойти. И дело здесь не только в гениальности автора, а в том, что он умел обличать грех, не осуждая при этом самого человека. Впоследствии великая русская литература утратила это высоконравственное качество и насквозь пропиталось пагубным духом критицизма... Что уж говорить о нашем времени, когда осуждение превратилось в разменную монету человеческого общения?». Художественная интуиция писателя позволяет Шипову безошибочно распознать в Гоголе поэта, а не сатирика, как считают некоторые критики.

От Лескова у Шипова – устность повествования, речь героев-простецов и мудрецов, верность поставленных народных голосов. Но слово Н.С. Лескова «кружевное», в его текстах слова теснятся друг к другу, как жемчуга, – и все неправильной, изысканной формы. У Я. Шипова речевому многолюдью свойственна простота и монодийность повествовательной манеры.

В рассказах Шипова ощущается и «аксаковский след» с выраженной эпической неспешностью и охотничьей зоркостью. Шиповский рассказчик-охотник, конечно, ловец человек, хотя, как сказать, не реже в его сюжетах представляется и ситуация наоборот: когда «ловец человек» оказывается «уловленным» своими героями («День рыбака»).

Ну, и, наконец, Чехов... Качество юмора сближает Шипова не творчеством Чехова-беллетриста, а с творчеством зрелого Чехова-прозаика, когда и юмор у писателя становится мягче и ирония проистекает из самоиронии. Рассказы Я. Шипова – коротенькие, но предельно символические. Они связаны не с описанием, а, как правило, с обобщением. Сюжеты коротких, предельно символизированных нарративов не предполагают развернутости образов-биосов, у них другие задачи, работающие на создание символических образов-типов. Шипов не жанрист и не беллетрист. Он, скорее всего, не обратится ни к исторической повести, ни к роману. Шипов – прозаик, новеллист. В его рассказах, кстати, историческое время обладает особой плотностью, Шипов отражает его через события, лица и вещи, символизирующие определенное «историческое время». Кто-то из критиков сравнивал рассказы Я. Шипова с творчеством так называемых «писателей-деревенщиков». Но, во-первых, сам этот термин идеологизирован настолько, что не представляется возможным им пользоваться. Во-вторых, те, кого «определили» в «писатели-деревенщики», создали настолько уникальные художественные миры, что возникает проблема, с кем из них и по каким признакам сравнивать Я. Шипова. С В.И. Беловым? С В.М. Шукшиным? С В.Г. Распутиным? С В.П. Астафьевым? Во многих рассказах Я. Шипова действие происходит на Вологодчине, но в этом крае отражается «вся Россия», как, впрочем, и в творчестве поименованных писателей – классиков XX в.

Назовем лучшие, на наш взгляд, рассказы Я. Шипова, которые, без сомнения, войдут в золотой фонд литературы начала XXI в.: «Равелин», «На крыльце», «Новая Москва», «Пеликан», «Три рыбы святителя Николая», «Лаврюха обыкновенный», «Лютый», «Мусульманин», «Письма к лешему», «Ужин у архиерея», «Райские хутора», «Крест», «Святой», «Иеромонах Севастиан», «Три главных счастья».

Чтобы проиллюстрировать символическую выразительность произведений Я. Шипова, обратимся к рассказу «Лаврюха обыкновенный».

Лаврюха, как следует из названия, обыкновенный русский человек и вместе с тем необыкновенный: его жизнь движется от ситуации «пропадем!» к ситуации «теперь выживем!». Этому принципу подчиняется вся его жизнь. В рассказе изображается один из многих случаев его экстремальной и потому всегдашней героической жизни. Его «подвиги» (между делом спас трех человек) – это так, обыденщина, из которой состоит вся его жизнь. Награды за «подвиги» он не получит, потому как в них никто не поверит и свидетелей им нет (спешно скроются спасенные им женщины-торговки), да еще и отвечать за «подвиги» придется, потому как всегда «виноват». Спасает он и мальчишку, отец которого ворует с катера новый аккумулятор (все равно же катер отправят в ремонт), заменяет его на неисправный, который «глохнет» в самый неподходящий момент и всем пассажирам приходится

прыгать в ледяную воду... Лаврюха вытаскивает из воды мальчишку, растапливает баню, согревает и растирает его. Спасает и незадачливых покупательниц мехов у браконьеров. В финале рассказа директор леспромхоза не верит, что Лаврюха был трезв, требует справку из милиции, а милиционеры Лаврюхе верят, но просят, чтобы всю эту историю подтвердили свидетельницы, а их и след простыл. Кругом виноват и не оправдаться, да и некогда: надо катерок вызволить... И Лаврюха спешит: потому как больше некому...

«Светлая проза с мягким юмором» – так часто отзываются о книгах Я. Шипова. Русским классикам было дано передать добродушие русского человека через различные свойства комического пафоса. У А.С. Пушкина юмор обнажает душевное и телесное здоровье человека, полнокровность его исторического и онтологического бытия. К. Леонтьев в своем эссе «Анализ, стиль и веяние» назвал юмор И.А. Гончарова примирительным, почти «елейным», выражающим равновесие добра и зла, доступного чувству здравомыслящего человека. Этот «добрый и тонкий род комизма» у И.А. Гончарова К. Леонтьев посчитал «совершенной новостью» в нашей литературе. Характер комизма, воплощенный в книгах священника Я. Шипова, отразил такие свойства русской души, что о нем тоже можно сказать как о «совершенной новости» в современной отечественной прозе.

Мосалева Галина Владимировна,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, Университетская 1 (корп. 2)
E-mail: mosalevagv@yandex.ru

Mosaleva G.V.,
Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: mosalevagv@yandex.ru